

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Борис Николаевич Камов по основной своей профессии педагог; еще он специалист по журналистским расследованиям, прозаик и литературовед, член Союза писателей Москвы и Союза журналистов РФ, лауреат премии Артема Боровика.

Есть люди, в душах которых рано пробуждается влечение к музыке, рисунку, математике, конструированию техники. У Камова-школьника рано возник интерес к книгам, а впоследствии и к судьбе А. П. Гайдара. Поводом стала короткая заметка в «Комсомольской правде» за 1943 год о гибели создателя «Голубой чашки», «Судьбы барабанщика».

Камов, которому было 12 лет, пообещал самому себе, что обязательно узнает, как все произошло. Но к реализации замысла он сумел приступить только 18 лет спустя.

Как журналист и начинающий биограф Аркадия Гайдара, Камов заявил о себе осенью 1962 года. Он провел тщательное расследование и установил обстоятельства, при которых погиб писатель, что стало большой сенсацией. Его стали приглашать на радио и телевидение, ему заказывали статьи центральные газеты и журналы.

Но Камов считал: «Найденное — лишь начало большой работы». Молодой журналист сумел проследить боевой путь писателя от порога дома в Москве до железнодорожной насыпи на окраине села Леплява под Каневом, где произошла трагедия.

Камов открыл стране Гайдара-героя, находчиво и грамотно действующего в боевой обстановке, бесстрашного и самоотверженного.

На основе свидетельств десятков бывших командиров, бойцов, партизан Союз писателей СССР, военный отдел ЦК КПСС^[1], ЦК комсомола, а также издательство «Детская литература» представили Гайдара к званию Героя Советского Союза (посмертно).

То, что присвоение звания не состоялось, было результатом зависти к уже погибшему человеку, продолжением еще предвоенных интриг. К личности самого Гайдара эта неудача никакого отношения не имела.

Между тем уже был готов макет вывески: «Государственное издательство «Детская литература» имени Героя Советского Союза А. П. Гайдара»...

Во многих статьях о Гайдаре, особенно после его гибели, непременно указывалось: пока сверстники будущего писателя продолжали сидеть за школьными столами, Аркадий Голиков успел стать командиром Красной армии. Ему доверяли руководить соединениями, которые насчитывали по несколько тысяч бойцов. Но как выстроилась такая удивительная карьера мальчишки-командира, не знал никто. Камов сорвал покров тайны с этих страниц биографии Голикова.

В книге «Аркадий Гайдар без мифов» названы имена выдающихся военных деятелей Красной армии, которые разглядели в 15-16-летнем подростке дарование крупного военачальника. Старшие товарищи растили недавнего ученика реального училища как будущего полководца в ближайшей, неизбежной войне.

Особое место в книге занимает раздел «Как стать писателем-классиком». Это рассказ о том, как бывший командир полка задался целью в предельно короткие сроки овладеть новой профессией. Спешность диктовалась почти полным отсутствием средств.

В книге показано: лишенный поддержки близких, которые сомневались в его выборе, живя в нищете и постоянном полуголоде, Голиков упрямо постигал основы писательского ремесла. Могучая сила воли, развитая в ранней юности, не позволила ему свернуть с намеченного пути. И Аркадий Голиков опубликовал свою первую повесть.

Раздел «Как стать писателем-классиком» может стать наглядным пособием по самовоспитанию для сегодняшних подростков, которые тоже поставили перед собой серьезные цели.

Б. Н. Камов, напомним, по образованию школьный учитель. Естественно, что в книге особое место занимает педагогическая тема. Автор знакомит нас с принципами домашнего воспитания в семье Голиковых, что ценно само по себе. Но Камов показывает и другое: как родительские уроки приходили на помощь Голикову-Гайдару во взрослой его жизни.

Выдающимся педагогом был и сам Аркадий

Петрович. Об этом можно судить по заразной силе его повестей и рассказов, по размаху тимуровского движения, которое активно просуществовало почти полвека не только без помощи взрослых, но часто при их активном сопротивлении.

В книге «Аркадий Гайдар без мифов» писатель предстает перед нами еще в двух качествах:

- воспитателя сына Тимура;
- исследователя и практика, первооткрывателя психофизических механизмов таких явлений, как смелость и трусость.

По мнению Камова, открытие, сделанное Гайдаром на основе опыта, приобретенного на Гражданской войне, должно войти в систему воспитания современных мальчишек и в систему подготовки представителей опасных профессий.

Впервые в разделе «Женщины в судьбе А. П. Гайдара» нам приоткрывается личная жизнь писателя. Читатель знакомится с редчайшим по мудрости «Гайдаровским кодексом семейного счастья».

Без оговорок и смягчающих слов Камов рассказывает, как в последние, самые продуктивные годы жизни, в эпоху Ежова и Бери, Аркадий Петрович подвергался систематическим преследованиям. Их целью было его физическое уничтожение. От ареста и расстрела перед самой войной Гайдара спас И. В. Сталин.

Судьба, пишет Камов, неотступно оберегала Аркадия Петровича Гайдара до рассвета 26 октября 1941 года. А в то утро у нее, вероятно, оказалось слишком много других забот...

Нельзя умолчать о том, что Камов был и остается не только главным биографом Гайдара. Восемнадцать лет, с 1991 по 2009 год, практически в одиночку, он боролся против солоухинщины, противостоял невиданной в истории литературы попытке дискредитировать А. П. Гайдара как личность и как создателя произведений для детей.

Своей предыдущей книгой «Аркадий Гайдар. Мишень для газетных киллеров. Спецрасследование» Камов, располагая громадной доказательной базой, опроверг бесчисленные лживые обвинения. При тщательной проверке ни одно будто бы «обнаруженное преступление А. П. Голикова» не подтвердилось.

Незапятнанное имя Аркадия Петровича, его литературное и педагогическое наследие вернулись в русло нашей великой национальной культуры.

За книгу «Аркадий Гайдар. Мишень для газетных киллеров» Б. Н. Камову была присуждена премия Артема Боровика «Честь. Мужество. Мастерство».

Остается добавить: многие читатели знают Бориса Николаевича Камова как детского йоготерапевта, автора книги «Реальность чуда». Записки целителя. Он же является разработчиком «метода Б. Н. Камова по сопроводительному лечению онкологических больных». Пользуется популярностью и оздоровительный «Чай Б. Н. Камова».

* * *

Камов оповестил своих читателей, что документальной повестью «Аркадий Гайдар без мифов», девятой на эту тему, он завершает карьеру биографа А. П. Гайдара...

Пожелаем Борису Николаевичу Камову равноценных успехов в других сферах его деятельности.

ПРЕДИСЛОВИЕ

«КАЖДЫЙ ШАГ ЕГО ТРЕБОВАЛ ОТВАГИ И ОГРОМНОГО НАПРЯЖЕНИЯ СИЛ»

Мне всегда казалось, что я все люблю, но не все понимаю в прозе Аркадия Гайдара. Такая она вроде бы легкая, светлая, насквозь советская и краснозвездная. Однако любой, самый маленький его рассказ, сказка, любой сценарий — про маленьких детей, про подростков, про взрослых, на любую тему — почему-то всегда детектив. Не в прямом смысле, конечно. Но ощущение, что в этой его «детской» прозе вот-вот готово произойти что-то последнее, окончательное, что изменит жизнь героев навсегда, — оно есть. Оно было (у меня) довольно бессознательным в детстве. Но чем дальше я думал о Гайдаре, о его жизни и о его книгах, тем оно становилось сильнее.

С одной стороны, вот эта легкая, как дыхание, авантюристичность его сюжетов, бесконечность приключения — она, конечно, идет от того, что Гайдар так долго оставался в душе своей настоящим ребенком. Воевал, переживал страшнейшие драмы, болел, но все равно оставался ребенком. Может быть, он оставался ребенком потому, что так рано ушел из дома на войну. На настоящую, большую, тяжелую войну.

А с другой стороны, он просто был такой человек — вся его жизнь, в сущности, это один большой детектив, триллер, я бы даже сказал. Где каждый шаг требовал огромной отваги, огромного мужества. И где каждый шаг давался с невероятным напряжением всех человеческих сил.

Именно об этом написана книга Бориса Камова — о том, что разгадка качества этой прозы таится в самой жизни Гайдара, в его характере, в невероятной остроте того, что ему пришлось пережить: где убивали по-настоящему, и любили по-настоящему, и предавали тоже.

Я вот пишу: «жизнь-детектив» — и сам сомневаюсь: так ли? Не детектив, а эпос о великом герое. Да, но ведь и сам детектив, сам этот жанр, родился когда-то именно как новое воплощение древнего эпоса, книги о супергероях.

Камов, великий и непревзойденный биограф

Аркадия Гайдара, замечательный писатель и наш современник, рассказывает о том, как это было на самом деле, вот все это — «командовать полком в шестнадцать лет», что за этим стояло, если говорить без прикрас и без мифов. Рассказывает он и о том, как в восемнадцать лет Гайдар отразил страшную атаку красноярских чекистов, хотевших его попросту уничтожить.

И обо всем, что было дальше — о реальной, а не выдуманной позднейшими фантазерами его болезни, о реальных страданиях и реальных преодолениях.

Здесь еще нужно сказать вот что. Нечастой бывает в истории мировой литературы ситуация, когда деду приходится отдуваться за внука. Вся та ненависть и грязь, которые обрушились на «любимого писателя советской детворы» в последние годы — результат фальсификаций некоторых довольно известных людей, которые подняли эту волну в начале 90-х, чтобы опорочить само имя — Гайдар. Чтобы сделать его синонимом самых страшных человеческих грехов. Проиграв страну политически и духовно, эти люди искали любой повод, чтобы ответить последним оружием — клеветой.

Борис Николаевич Камов ответил на все вопросы, касающиеся выдуманных «жестоких репрессий», которые Аркадий Гайдар якобы развернул в далекой Хакасии. Разобрался с каждой деталью, внимательно изучив огромное количество документов.

Но книга, конечно же, не об этом.

Она о том, что сила действия равна силе противодействия. Мир Гайдара — вот тот, что был внутри у него в сердце, в мозгу, в душе — родился в очень тяжелое время. В ужасное время. В жестокое время. Но ответом этому времени было рождение вот такого тонкого и нежного писательского почерка, который волнует нас до сих пор. И в котором, тем не менее, каждая строка дышит выстрелом и тем событием, которое может изменить вашу жизнь навсегда.

Борис Минаев.

Писатель. Дважды номинант на премию Большая книга

ЧТО ЖЕ ОН БЫЛ ЗА ЧЕЛОВЕК — АРКАДИЙ ГАЙДАР

Его имя начало обрастать легендами уже в начале его литературного пути. Легенды были связаны не с командирским его прошлым (о котором тогда еще мало кто знал), а с его поступками в повседневной жизни.

В Ленинграде в 1925 году Аркадий Петрович получил гонорар за только что опубликованную повесть «В дни поражений и побед». На Невском проспекте, на остановке возле знаменитого Дома с глобусом Гайдар поднялся на площадку трамвайного вагона. Рядом оказался парнишка-студент со связкой книг подмышкой. По исхудавшему его лицу было видно, что живет он впроголодь и вдобавок сильно нездоров.

Через минуту на площадке раздался крик. Пожилая пассажирка, показывая на Гайдара, заявила:

— Этот человек в шинели только что залез в карман к студенту. Парню, видать, и так жить не на что, а он решил украсть последнее.

Весь вагон возмутился. Вагоновожатый остановил трамвай и свистком подозвал постового милиционера. Пассажиры, которые ехали на площадке, высыпали из вагона.

— Что у вас пропало? — спросил милиционер у студента. — Что этот гражданин у вас похитил?

Студент неуверенно сунул руку в карман своего выдавшего вида пальто. В одном кармане вообще не было ничего. А из другого парнишка вытащил ассигнацию — двадцать пять рублей. По тем временам это была значительная сумма.

— Но у меня таких денег не было! — испуганно заявил студент. — У меня оставалось только пятьдесят копеек! — И он показал мелочь.

Первым рассмеялся постовой милиционер.

— Гражданин студент, товарищ в шинели подложил вам деньги, чтобы вы хорошо учились!

Потом он вдруг посерьезнел, повернулся к Гайдару и взял под козырек:

— Прошу извинить за беспокойство!

Аркадий Петрович пожал ему руку:

— Спасибо за догадливость.

И дальше пошел пешком. Трамвай тронулся. Студент повис на подножке. От пережитого потрясения он забыл сказать спасибо за подарок.

Об этом случае нам, студентам Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена, в 1952 году рассказал друг Гайдара, писатель Борис Александрович Емельянов.

А в Арзамасе в 1964 году я познакомился с пожилым человеком по фамилии Юрлов. В середине 1930-х годов он был последним извозчиком-частником в городе, где не существовало никакого общественного транспорта.

Юрлов рассказал, как Аркадий Петрович приехал на родину в 1935 году и часто нанимал его скромный экипаж, чтобы покатасть чужих детей или вечером с шиком приехать к друзьям в гости. Повозка при этом была нужна Гайдару еще и потому, что в руках невозможно было донести все закупленные кульки и свертки.

Однажды Юрлов пришел к Аркадию Петровичу сам, без вызова. У него стряслось горе. Местное начальство приняло решение закрыть «частный промысел» и установило разорительный налог. Нужной суммы, чтобы заплатить, ни у кого из окружающих не нашлось. Юрлов обратился к Гайдару, обещая все деньги при первой возможности вернуть.

Гайдар без лишних слов дал ту сумму, которую просил извозчик. Ко всеобщему удивлению, через неделю Юрлов пришел опять. Принес долг. Аркадий Петрович пересчитал мятые рубли и даже мелочь. Все сошлось до копейки. Аркадий Петрович сказал:

— Благодарю тебя, Юрлов, за аккуратность в расчетах.

Теперь эти деньги твои. Дарю. Они тебе еще пригодятся.

Вспоминая о подарке, бывший извозчик, широкоплечий богатырь с окладистой белой бородой, заплакал.

— Вы знаете, что за человек был Гайдар? — спросил он меня. — Это был ангел... — Юрлов остановился, подбирая более точное слово. — Это, — повторил он, — был ангел... — и добавил, — народный!

Трудно поверить, но больше всего дарений в своей жизни Аркадий Петрович произвел в дни

Отечественной войны — на Юго-Западном фронте и потом в окружении, на оккупированной территории. Но об этом я еще расскажу.

Щедрость и готовность помогать в любых обстоятельствах были основой личности Гайдара, этого ни на кого не похожего и до сих пор не разгаданного человека.

Невиданная доброта, о которой по Москве ходило много рассказов еще до войны, была всего лишь одной чертой натуры Гайдара. А как человек он был многогранен. Вот почему у меня возникло желание проследить:

— Как сложился такой характер?

— Что способствовало его формированию?

Аркадий Петрович стал выдающимся писателем, успев закончить всего четыре класса Арзамасского реального училища.

Еще подростком недавний ученик Арзамасского реального училища за короткий срок стремительно продвинулся в качестве командира Красной армии, хотя военное образование его составляло два кратких курса обучения.

Как мы увидим, Аркадий Петрович Голиков-Гайдар оказался еще и выдающимся педагогом, наследие которого не понято и не оценено до сих пор. Его первое знакомство с учительской профессией состоялось еще в раннем детстве, когда он наблюдал, как работают в сельской школе его родители: отец Петр Исидорович и мать Наталья Аркадьевна. И это определило одно из направлений его духовного развития.

И вот еще один вопрос, который не дает мне покоя: а насколько повторим опыт формирования личности, похожей на Аркадия Петровича Гайдара? Особенно в наши дни, когда современная педагогика вынуждена сдавать многие свои вековые позиции?

ДЕТСТВО

ВАЖНАЯ ДОЛЖНОСТЬ — СТАРШИЙ БРАТ

Аркадию 22 января 1908 года исполнилось четыре, а его сестренке Наташе-Талочке было всего лишь три года. По случаю семейного праздника детей повели в местную фотографию. Аркаша держал в руках главный, только что полученный подарок — кожаный кошелек, в котором лежал настоящий пятак. До революции 1917 года монета считалась значительной. Взрослый человек за пять копеек мог в трактире плотно пообедать. А ребенок получал возможность купить себе несколько свистулков. Даритель преподнес Аркадию монету не ради тарелки супа, а как первооснову богатства в недалеком будущем. Когда брата и сестру усадили на специальный столик для фотографирования, Талочка расплакалась. Она потребовала, чтобы Аркадий отдал ей свой пятак.

— Бери, — сказал он, с сожалением протягивая монету. — С вами не разбогатеешь.

На фотографии, сделанной в тот день, Аркадий выглядит крупным, плотного сложения ребенком. Говорят, если он падал и ударялся, то никогда не плакал. Если же ему что-либо поручали, просьбу выполнял толково и быстро.

Мальчишку часто видели задумчивым. Когда родители ему что-то рассказывали, он их, случалось, перебивал, чтобы спросить: «А зачем? А почему?». Если же не получал вразумительного ответа, не желал слушать дальше. Пустые разговоры ему были не интересны.

Аркадий любил смотреть, как мама с папой дома работали. Жила семья в городе Льгове. Родители были школьными учителями. Вечером, при керосиновой лампе, они проверяли тетрадки. Чернила у них были красные. Пером с красными чернилами они исправляли ошибки учеников в тетрадях. А проверив, ставили оценки: 5, 4, 3. Двойки не ставили никогда. Родители считали: если ребенок выполнил работу на двойку, то у него, наверное, что-то случилось дома. С ним нужно сначала поговорить.

И еще он слышал, как мама однажды сказала: «Плохая оценка унижает ребенка. Он начинает считать

себя хуже других. У него может развиться комплекс неполноценности, способный искалечить его судьбу».

Наблюдая за работой родителей, Аркадий ждал того момента, когда они вдруг откладывали ручки с перьями, которые нужно было макать в чернильницу, собирали в аккуратные стопки тетради и, весело подмигнув сыну, начинали негромко петь. Они пели старинные песни и читали вслух, наизусть стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова, модного тогда Надсона. Аркадий иногда им подпевал. А главное — песни и стихи запоминал.

Потом, в школьные годы, Аркадий часто выступал с теми же стихами на литературных вечерах, куда его часто приглашали. Радио, а тем более телевидения тогда не было и в помине. Самодеятельные спектакли, музыкальные и литературные вечера были главным видом коллективного времяпрепровождения образованных россиян.

В одиннадцать лет у Аркадия в Арзамасе появилось уважительное прозвище — «декламатор из реального».

Семья, между тем, жила трудно. Учительское жалование всегда было скудным. Няньки, которым в семье Голиковых тоже платили мало, держались недолго. Родители по утрам должны были уходить на работу — в другую половину большого дома. Главной проблемой было то, что на время работы не на кого было оставить маленькую Талочку.

И вот мама, Наталья Аркадьевна, позвала однажды сына.

— Аркадий, — сказала она, — ты у нас уже большой. Но главное — ты старший брат. Ты теперь отвечаешь за Талочку. Чтобы с ней было все в порядке. Чтобы ее никто не обижал.

Аркадий с ней играл, водил гулять, поил молоком с хлебом, давал пить микстуру, которую прописал доктор, если Талочка заболела.

Потом родились Катя и Оля. Аркадий и для них был старшим братом. Оле и Кате он уже читал сказки и проверял, насколько хорошо они читают сами. Постепенно у мальчика развилась привычка заботиться о других.

ПОДВОДНЫЙ СПАСАТЕЛЬ

Однажды в первую школьную зиму Аркадий с друзьями отправились на речку Тешу — кататься на коньках. Лед был не особенно крепок, но чтобы разок прокатиться по нему, толще и не требовалось. Пошли ватагой: Аркадий, Костя Кудрявцев, Коля Киселев и еще несколько товарищей. Все из реального.

Но у Аркадия имелись какие-то домашние дела. Он немного покатался, отвинтил коньки, собрался идти домой. Внезапно услышал крик: «Выбирайся на берег! Выбирайся на берег! Кому говорят!»

Аркадий оглянулся и увидел: Коля Киселев провалился под лед и пытался выбраться из полыньи. А Костя Кудрявцев, ни на шаг не приближаясь к Киселеву, давал бесполезные советы. Между тем надежды на самостоятельное спасение у Коли почти не оставалось. Лишь только он ухватывал край полыньи — лед обламывался.

— Аркашка, на помощь! — отчаянно закричал Кудрявцев.

— Кисель! Иду к тебе! — крикнул Голиков, чтобы подбодрить товарища, который бултыхался в ледяной воде.

Аркадий ступил на лед, потом лег и пополз. Когда ему показалось, что он подобрался достаточно близко, Аркадий бросил товарищу конец своего ремня. Пряжка не достала до края полыньи всего нескольких сантиметров. Оставалось проползти еще немного, но лед под ним разошелся, и Голиков тоже очутился в воде. Намокшая одежда потянула вниз. Ждать помощи обоим уже было неоткуда. На Кудрявцева и остальных рассчитывать не приходилось. Аркадий ушел на дно.

Не знаю, что почувствовал Киселев, увидя, как товарищ, его последняя надежда, скрылся подо льдом.

Внезапно полынья перед Киселевым забурилась. Аркадий вынырнул, выплюнул воду и заорал, хлопая над головой руками: «З-здесь м-мелко! З-здесь мелко!»

Вода ему доставала до горла, но там, где бултыхался Киселев, было заметно глубже.

И Аркадий снова ушел на дно, но теперь уже по собственной воле. Те, кто стоял в отдалении, заметили труднообъяснимое. Киселев перестал бултыхаться, бить по воде руками. При этом он начал приближаться к берегу по узкой полоске воды.

Так продолжалось не меньше минуты, пока из воды перед Колей снова не выскочил Голиков. Он уже прочно стоял на дне реки. И Коля тоже почувствовал под ногами грунт.

Оказалось, когда Аркадий уже нарочно ушел на дно, он схватил Киселева под водой за пояс с пряжкой «АРУ» — Арзамасское реальное училище — и, бредя по дну, выволок его на мелкое место, где был раскрошенный лед.

Мамина просьба следить за маленькими сестрами, оберегать их от опасности породила со временем важнейшую черту характера Аркадия — ответственность за других. О своем спасении мне поведал Николай Николаевич Киселев — полковник в отставке, участник трех войн, кавалер нескольких боевых орденов.

— Если бы не решительность Аркадия, — сказал Николай Николаевич, — моя жизнь закончилась бы на дне речки Теши.

* * *

Мамин наказ: «Ты отвечаешь!..» стал потом базовым в системе самовоспитания Аркадия Голикова и в педагогике писателя Гайдара. Наказ лег в основу тимуровской игры — дела, когда дети на протяжении полувека несли душевное тепло и реальную физическую помощь в миллионы осиротевших домов.

Мамины слова: «Ты отвечаешь!..» определили все решения и поступки Аркадия Петровича Гайдара летом и осенью 1941 года, вплоть до 26 октября...

МАМИНА ШКОЛА

Аркадий задумал научиться метко стрелять. Ружья у него не было. Он решил, что для начала подойдет и рогатка.

После уроков Аркадий смастерил отличную рогатку и отправился за дом, чтобы опробовать. Он забрался в дальний угол двора. Там, за дощатым забором, начинался соседский участок, на котором росла старая засыхающая береза. Аркадий уселся на заборе, вынул рогатку, заложил в ее карман круглый голыш.

Камешек пошел точно в ствол, но в последний миг, вильнув, сделал дугу и с дребезгом влетел в стекло

соседского дома. У Аркадия замерло сердце. В доме жили неприятные люди. Они скандалили из-за любого пустяка. А тут появился серьезный повод.

Но Аркадию повезло: никто не видел. Он соскочил с забора; покрутившись часок вдали от соседского двора, что-то беззаботно напевая, отправился делать уроки. А когда вошел в дом, услышал, что все комнаты наполнены криком.

— Сегодня он выбил стекло, завтра — глаз, а послезавтра пойдет убивать из рогатки людей! — Это кричала соседка Евдокия Ивановна.

— Я пришлю вам стекольщика, — услышал Аркадий негромкий, усталый голос матери.

— Ах, нам еще и платить!

— Не беспокойтесь, я заплачу.

Соседка стремительно прошла к выходу. Это была молодая, всегда неопрятно одетая женщина.

Целый вечер Наталья Аркадьевна не разговаривала с сыном. Все в доме знали, что произошло, и даже Катюшка, самая младшая из сестер, смотрела на брата с осуждением. Ночью Аркадий не спал и обратил внимание, что из-под двери материнской комнаты пробивается свет. Аркадий открыл дверь и остановился на пороге. Он думал, что мать читает, а она лежала в халате поверх неразобранной постели и смотрела безучастным взглядом в потолок.

— Мам, я ж не хотел, — испугался Аркадий. — И потом, Евдокия Ивановна не видела... И только по одному подозрению... А вдруг бы не я — все равно посылай к ней стекольщика?

— Мне жаль не рубль серебром, — ответила мама. — Хотя деньги, ты знаешь, достаются нелегко. Сегодня в нашем доме произошло несчастье. Нечаянно открылось, что сын мой — трус. А трусливый человек способен на любую низость.

— Неправда, я не трус! Хочешь, я пойду один на кладбище?

— На беду нашу, трус. Иначе бы ты не позволил, чтобы плохо воспитанная женщина пришла кричать к тебе в дом. Смелый человек либо признаётся, что совершил дурной поступок, либо опровергает, если его необоснованно винят. А ты стоял в прихожей — и не признался, и не опроверг. Если теперь обтрясут на соседней улице яблоню или украдут с веревки белье,

покажут на тебя. А когда ты станешь оправдываться, ответят: «Ты в прошлый раз тоже не признался и убежал».

Среди уличных мальчишек считалось доблестью напраказывать и смыться. И лопухами обзывали тех, кто попадался. Неудачника ждала дома порка. В семье Голиковых никого не пороли и не шлепали. Но что может получиться разговор, который окажется хуже порки, Аркадий не ожидал.

— Мамочка, я не стану больше убежать. — Он кинулся к ней и ткнулся головой в ее плечо.

С того дня, если был в чем виноват, сразу шел и сознавался. Скажем, играют большой компанией в прятки, Аркадий забежит в чужие сени и нечаянно опрокинет молоко. Никто не видел и можно бы удрать, а он уже стучит в горницу и говорит: «Извините, я опрокинул кринку».

И вечером матери: «Прости, мамочка, но произошла неприятность».

Мать все равно бледнела. Продукты дорожали. Кринка молока стоила бог весть каких денег, но мать уже не плакала. «Я все уладила, — говорила она ему час спустя. — Спасибо, что не пришлось краснеть».

А через день-другой случалось что-нибудь еще. И он снова говорил: «Извините, это сделал я». И на него опять обрушивалась лавина обидных слов, но поступать иначе он уже не мог.

Приятели над ним, конечно, смеялись. Сами они, если что натворят, тут же удерут или изобразят благородное негодование на лице: «Бог свидетель, это не я и не мы!» И набожные соседи, слыша такие клятвы, отступались. А хитрые приятели подмигивали Аркадию: «Учись, разиня. Видишь, ни шума, ни полтинников».

Но снова хитрить, снова бояться разоблачений и всякого рода скандалов он уже не мог. Идти с признанием в очередном нелепом поступке было тяжело и стыдно. Но зато когда все повинные слова были произнесены, он ощущал легкость во всем теле и радость в душе. Ему не нужно было никого бояться.

Позднее Аркадий понял: преодолевая страх наказания, он научился побеждать в себе любой страх. Это не значило, что он перестал всего бояться. Просто у него появились выдержка и воля. Даже если Аркадий

допускал серьезный промах, он теперь не слабел от испуга: «Ах, что мне за это будет!» — и не делал тут же нелепых, трусливых шагов. Он не боялся ответственности, но помнил, что за каждую оплошность придется отвечать. И это его порой удерживало от новых нелепостей.

...Сколько раз потом, стремительно взрослея, в обстоятельствах далеко не домашних, Аркадий вспоминал с благодарностью и нежностью маму. С тех пор как он помнил себя, она всегда требовала от него волевых поступков.

ПЕРВЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ УСПЕХ

В семье Голиковых много занимались самообразованием. Родители прочитывали множество книг, изучали французский и немецкий языки, говорили на этих языках между собой. Аркадий все запоминал. Через много лет французские фразы из старых пособий Аркадий Петрович любил вставлять в свои письма, но писал их, эти фразы, русскими буквами.

А немецкий в 1941-м пригодился на Юго-Западном фронте под Киевом и в партизанском отряде под Каневом. Гайдар помогал при допросах, читал и переводил документы, захваченные у гитлеровских солдат.

...Оттого что в доме постоянно звучали стихи, Аркадий научился говорить в рифму. Первые стихотворные строчки он сочинил, еще не умея читать и писать. Мама Наталья Аркадьевна даже купила альбом в сафьяновом переплете, чтобы записывать его рифмованные двестишья.

Сам Аркадий из отечественных поэтов больше всех любил Лермонтова. На литературных вечерах Аркадий с особым воодушевлением читал поэму «Мцыри», особенно то место, где главный герой, подросток, вступал в рукопашную схватку с диким барсом:

*Ко мне он кинулся на грудь;
Но в горло я успел воткнуть
И там два раза повернуть
Мое оружие... Он завыл,
Рванулся из последних сил,
И мы, сплетясь, как пара змей,*

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru